

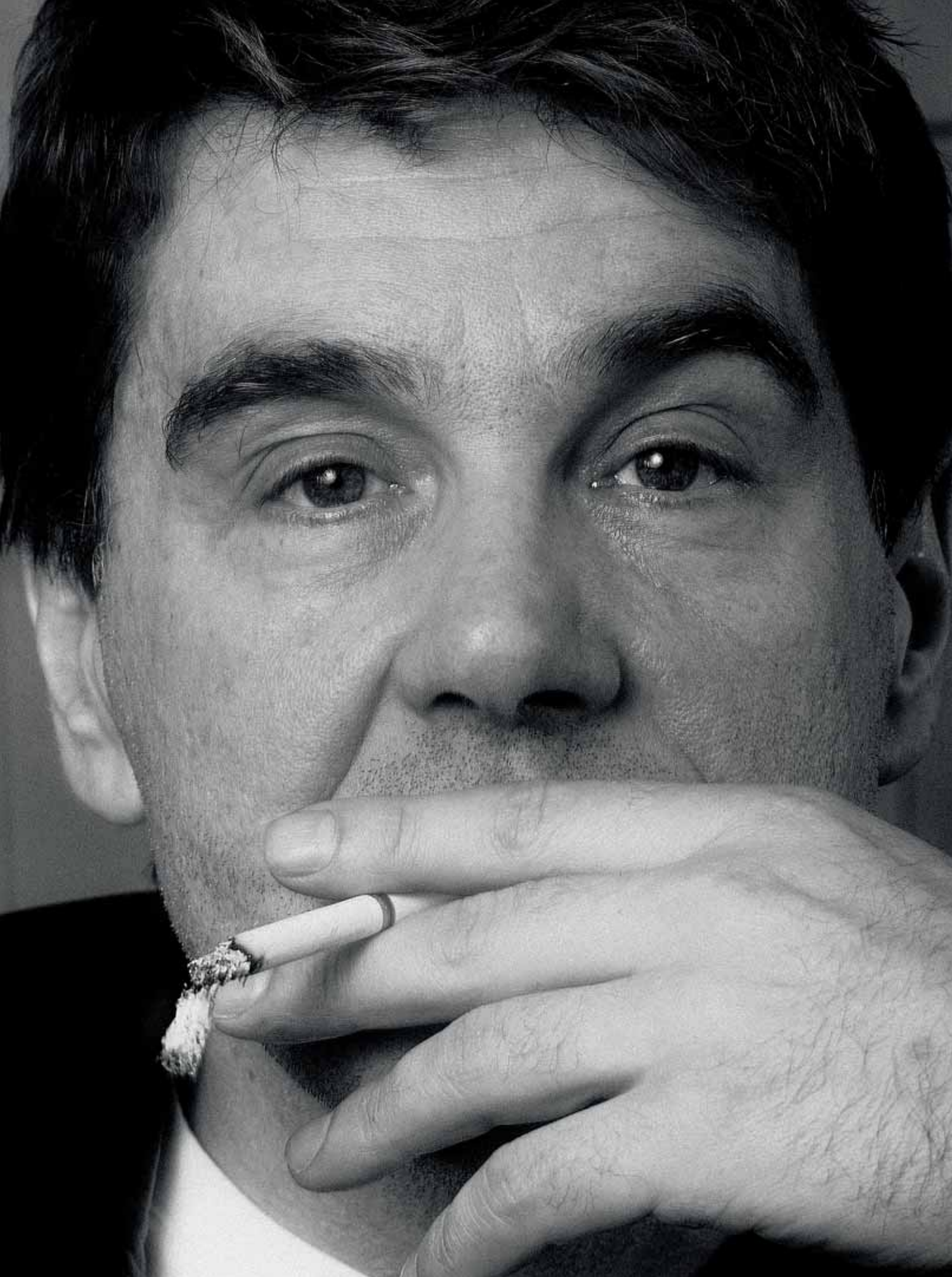
Сергей Маковецкий:

«НЕ НАДНО ОТКРЫВАТЬ ВСЕ ДВЕРИ»

ОН ОЧЕНЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК. И ПОТОМУ РАЗГОВОР МОЖЕТ СЛОЖИТЬСЯ В АБСОЛЮТНО РАЗНОМ НАСТРОЕНИИ — ОТ ПРИПОДНЯТО-ВОСТОРЖЕННОГО ДО ЛИРИЧЕСКИ-МИНОРНОГО. НЕИЗМЕННО ОДНО: БЕСЕДОВАТЬ С НИМ ВСЕГДА ИНТЕРЕСНО. САМОЕ ГЛАВНОЕ — ПОЧУВСТВОВАТЬ ЕГО СЕГОДНЯШНЕГО, ПОНЯТЬ ТО, ЧТО ЕГО СЕЙЧАС ВОЛНУЕТ. МЫ ЗНАКОМЫ УЖЕ ДАВНО. И ХОТЯ МНОГИЕ УЖЕ НАЗЫВАЮТ ЕГО СЕРГЕЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ, ОН АБСОЛЮТНО НЕ МЕНЯЕТСЯ, ОСТАВАЯСЬ ТАКИМ ЖЕ ПО-МАЛЬЧИШЕСКИ КУРАЖИСТЫМ, ЛЮБОПЫТНЫМ И СТРАСТНЫМ. И ЭТО НЕСМОТРИ НА ТО, ЧТО ОН УЖЕ ДАВНО ПЕРЕШЕЛ В КАТЕГОРИЮ МЭТРОВ.

Мы встречаемся сразу после репетиции в Театре юного зрителя. Он выходит в прекрасном расположении духа, хотя тут же становится понятно, что он еще весь там. *Сергей, у тебя почти одновременно выходят две премьеры. И какие! Как тебе удастся это совместить?* «Дядю Ваню» в Театре им. Вахтангова с Римасом Туминасом уже практически закончили репетировать, остались прогоны. 31 июля вернулся с отдыха, 1 августа начали с Камой Гинкасом работать над «Записками сумасшедшего». Сложно. Так просто, насколько, не возьмешь. Но Чехов и Гоголь... Это же близко. Я думаю, что Чехов прекрасно знал Николая Васильевича и любил его произведения. Не хочу сравнивать двух персонажей, но есть что-то общее в постановке вопросов: как жить, что делать? *(улыбается)* Существует ли справедливость на этом свете? В «Дяде Ване» Войницкий кричит: «Пропала жизнь. Я мог бы стать Шопенгауэром...» Он в двадцать два

года, совсем молодым человеком закрыл себя в этом имении. Двадцать пять лет управлял им. Как заправский приказчик отправлял деньги. Куска не доедал. Верой и правдой служил Серебрякову... Служил, как он считал, гению. Все его статьи переписывались. Он считал их гениальными. «Служение» — хорошее слово. Иногда служение бывает выдающимся. Наверняка приходит время, когда перед каждым встают вопросы: так ли жил, так ли живу? Но вот загадка: почему так вдруг, что случилось? Нельзя забывать про отставку Серебрякова. Разве нам незнакома эта черта, когда в момент отставки хозяина все меняется? Разве с нами ничего не происходит в эту секунду? Вспомним про отставку Михаила Сергеевича Горбачева, выдающегося политика, к которому я отношусь с огромным уважением и любовью. Я помню кадры его ухода, где он прощался со страной. Он сказал: «До свидания». Съемка закончилась, а оператор продолжал снимать. Он сидел в одиночестве. Потом

«ЧТО ТАКОЕ
НАСТОЯЩЕЕ
АКТЕРСТВО, НЕ
ОБЪЯСНИШЬ,
И БЫТЬ
АКТЕРОМ
НАУЧИТЬСЯ
НЕЛЬЗЯ»

1. В роли профессора Хиггинса в спектакле «Пигмалион» в театре «Современник». 2. С Максимом Сухановым в спектакле В. Мирзоева «Коллекция Пинтера». 3. Профессор Хиггинс с Элизой Дулитл — Еленой Яковлевой. 4. «Двенадцать» Н. Михалкова. 5. На Старом Арбате по дороге в родной Театр им. Вахтангова. 6. С любимой женой Еленой

потянулся за чашкой, которую ему поставили на столе. Она была... пустая. Ему даже не налили чая, потому что уже... в отставке. И Серебряков... в отставке.

При всей похожести вопросов, задаваемых дядей Ваней и Поприциным, они разные люди. Поприщина съело самолюбие, амбиции. А у дяди Вани нет амбиций, он скорее удивляется: «Почему так?» Он ни на кого не злится. Смирненно все принимает.

И в конце концов говорит: «Все будет по-старому, по-прежнему». Я сейчас много об этом думаю...

А артисту что больше мешает состояться: переизбыток честолюбия, непомерных амбиций или их недостаток?

Без амбиций невозможно. Без честолюбия эта профессия невозможна. Но важна степень амбиций. Иногда непомерные запросы, неадекватное поведение ведут к плачевным вещам и трагическому финалу. Больше всего, к сожалению, этим грешат молодые артисты, которые только окончили институт. Но не все. Большин-

ство меня даже поражают своим новым стилем, абсолютно здоровым образом жизни. Это сейчас очень модно — здоровый образ жизни. Но закидоны... Хотя все мы через это проходили. Но опять же дело в степнях. Надо себе честно давать отчет: имеешь ли ты на это право? Мы же на первом курсе все гении. Когда идет заявка на самостоятельные отрывки, то все сплошные Гамлеты, Чацкие, Макбетты, Дездемоны и Офелии. Подумаешь! Нам на первом курсе (*смеется*) запросто сбавать эти персонажи.

Это на четвертом ты уже боишься к Чехову подходить, а придя в театр, понимаешь: «О-ой...»

И на кого ты замахивался в институте?

К Чацкому взгляд не обращался, но, когда мне давали характерные роли, иногда думал: «А почему Гамлет не мог быть рыжим?» (*смеется*) Это была моя любимая фраза из Чехова.

При всей твоей успешной судьбе были ли минуты, когда хотелось кричать: «Пропала жизнь...» Когда ролей уже было немало, но мечталось-то о большем — о Моцарте и т.д.?

А давали слепого скрипача? Да, было отчаяние: «Ну почему не Моцарт?! Почему слепой музыкант? Я же к Моцарту подготовился. Я даже пятнадцать килограммов сбросил» (*улыбается*). Хотя мне тогда не надо было ничего сбрасывать. Я был худой. У меня глаза были на пол-лица. Они могли взлетную полосу освещать. Но есть очень важное слово — «терпение»... Когда человек терпит, то рано или поздно Господь помогает. Всему свое время.

Ты это уже тогда понимал или постфактум?

Мне близкие люди об этом говорили, в первую очередь моя любимая жена. Она успокаивала: «Сереза, ты делай свое дело. Твое умение понадобится, поверь мне». И наверное, иначе быть не может. Все-таки

судьба иногда поворачивается к нам удивительным светом. И, слава Богу, что все произошло вовремя. Я понял это спустя какое-то время. А небольшие преграды только усиливают желание. Все дело в том, как ты это препятствие преодолешь: с терпением или с ненавистью и желчью. И я порой задавал себе вопрос: если бы роли, которые я сыграл в 90-е годы, случились бы раньше, смог бы я с ними справиться? Кто знает, не будь этого терпения, боли...

Недавно я услышал слова удивительной женщины, Лунгиной (это мама режиссера Павла Лунгина, выдающийся переводчик, если не ошибаюсь, перевела «Карлсона»): «Душа начинает быть живой, когда она впервые почувствовала боль». И только пройдя через какую-то боль, ты сможешь понять, что такое минуты счастья. Как говорят, если что-то болит с утра, значит, ты живой (*смеется*). Я когда услы-

шал фразу Лунгиной, понял: «Да, значит, нужно было мне подождать. Нужно было переболеть. Даже перестрадать». Другой вопрос, какова степень этого страдания, юношеское оно или взрослое. Если юноша кричит: «Пропала жизнь» — это одно, и совсем другое, когда взрослый человек, потому что когда есть у тебя будущее, то кричать о пропавшей жизни — это определенный жанр, а когда у тебя только прошлое, тогда уже не кричат. Тогда, как дядя Ваня, констатируют, что жизнь пропала, не жил. И эта констатация

гораздо сильнее эмоционального крика. В крике есть какая-то надежда. А в страшной констатации — точка.

А если у человека жизнь складывается успешно, счастливо, то в определенном возрасте не происходят эмоциональные срывы, кризисы, не встает вопрос: а так ли жил и живу?

Это очень сложный вопрос. Надо жить. Как говорит Серебряков: «Дело надо делать, господа» (*смеется*). Но иногда бывает пресыщение. Бывает барское, а иногда, как у актера, который уже много сделал, вдруг возникает очень серьезный вопрос: что дальше? Чем себя удивлять? Есть ли силы на то, чтобы удивлять?

И до тех пор, пока есть силы на это, ты еще живой.

А вот если желания начнут пропадать или ты к ним не относишься: «Ой, да ладно, может быть, не надо, я отдохну» — это плохой симптом. Признаюсь честно и откровенно, бывает, что и я думаю: «А может быть, не пойти на репетицию?» — и говорю себе: «Сереза, не гневи судьбу. Такая роль. С таким режиссером. Ну, не пойдешь. А что ты будешь делать дальше? Ведь поезд уйдет, и ты это никогда не сыграешь». Так что надо говорить: «Слава Богу, что есть такая работа, с такими людьми».

Почему же все-таки иногда закрадывается эта мысль: «Не пойду на репетицию, даже на такую прекрасную?»

«КАЖДОМУ ХОЧЕТСЯ, ЧТОБЫ ЕГО ЗАМЕТИЛИ. В ЭТОМ И СОСТОИТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ»

Не знаю. Наверное, мы все лентяи. Да и кокетничаем. *А может быть, просто требуется отдохнуть как следует? Помню, как ты мечтал о 21-дневном отпуске...*

У меня был в этом году замечательный отдых, в моем любимом Звенигороде. Это потрясающее, просто сказочное место. Рядом усадьба Шереметьевых, построенная архитектором Львовым. Красота необыкновенная. Тишина. Чудесный санаторий. Но первые две недели я не знал, чем себя занять, при том что там есть и бассейн, и Москва-река, и масса всего. Лентяйничал отдыхать (*смеется*). А когда отдых подошел к концу, почувствовал, как нужно отдыхать, и понял, что мне не хватило еще дней десяти. Вот такая странная вещь.

Как только что-то заканчивается, тут же начинаешь жалеть об этом...

К сожалению, да. Так человек устроен. Жара — ему хочется холода, в холод ему хочется тепла. Нет чтобы остановиться на чем-нибудь одном. Странное существо — человек. Очень странное. И каждому хочется, чтобы его заметили. В этом и есть человеческое счастье. Ведь нам очень много не надо. Мы все как Шуры Балагановы. Спроси у Шуры: «Сколько вам нужно для счастья?» И он вам назовет эту сумму. А Бендер его переспросит: «В месяц?» — «В год». Нам для полного счастья мало нужно (*смеется*). Надо, чтобы мы занимались делом. И чтобы нас за это дело поблагодарили. И когда человек будет чувствовать признательность и получать за свой труд достойное жалование, то все будет нормально. Хорошее отношение к человеку — это самое сложное. А с другой стороны, у меня самого иногда возникает к себе вопрос: а может, мы заслужили такую жизнь? В массе своей. Кто мы? Какие мы? Во что мы обратились? Как мы сейчас стали относиться друг к другу... Европа и мы... Это же две разные планеты.

Раньше все было другим. Отношение к человеку, к ребенку, к животному. А сейчас вокруг оголтелая ненависть ко всему и вся. К успеху. К достатку. Мы требуем всего, не любя ничего. Требуем порядка и летом горячей воды. А при этом совсем не любим землю, на которой живем. Ты отдыхала когда-нибудь на общих территориях? Заходила на пляж? Хочется сказать: «Граждане, товарищи, вы же завтра сами придете в это место. И будете искать участок почище». Ну почему, когда едешь по Европе, ты видишь ухоженные парки, невероятную чистоту, отличное качество дорог, качество всего. Почему мы ничего не любим, а требуем очень много? Потому что это опять же наши непомерные амбиции.

У нас, как нигде, наверное, могут тебя пожалеть и тут же уничтожить. Вот это оголтелое неприятие успеха, благополучия другого. При этом я, конечно, же, отдаю себе отчет в том, что надо было с чего-то начинать. Ведь у них столетиями все воспитывалось, а у нас

«У НАС, КАК НИГДЕ, МОГУТ ТЕБЯ ПОЖАЛЕТЬ И ТУТ ЖЕ УНИЧТОЖИТЬ»

прошло всего десять лет. Это даже не миг, не вспышка. Конечно, я понимаю, что требуется терпение. И может быть, спустя десятилетия родится другое поколение. Хотя уже рождается. Точнее, уже есть молодое поколение, образованное.

Но ушло то общение, та открытость, все очень заняты собой, карьерой...

А все разрушено. И пока нет нового. Есть свобода. Но еще никто не знает, как ею пользоваться. И свободу иногда принимают за вседозволенность. Я иногда смотрю программу «Сто вопросов взрослому» и поражаюсь тому, что спрашивают молодые люди. У одной актрисы, взрослой женщины, спросили: «А почему у вас нет детей?» Хотелось крикнуть: «Тебе какое дело?» Она сказала: «Я не буду на это отвечать». И ведущий, вместо того чтобы

сказать: «Это был бестактный вопрос, молодой человек» — тут же говорит: «Первый отказ!» Вместо того чтобы дать этому молодому человеку понять, что есть вопросы, которые задавать не-при-лич-но. Неприлично, и все. Вопрос «почему?» не задается. Но, к сожалению, оказывается, что все можно.

Но, несмотря на все это, мне нравится выбор, который перед нами стоит каждый день. Мне нравится эта наша свобода. Мне нравится, что сегодня мир открыт, что есть возможность образования, возможность увидеть, как живут люди, себя показать. Правда, не так, как мы иногда себя показываем. И тем не менее мы за границей самые послушные. Мы лучше всех одеты. Мы на каблуках с утра и в вечернем платье. Мы ведем себя чаще всего спокойно. Нас зря ругают (*смеется*). ***Мы говорим о реальной жизни, об опыте, о боли, о радости. Но как скучно и плоско было бы актеру основываться на одной правде, опыте и собственных переживаниях и знаниях. Есть же еще фантазия...***

Я пришел к тому, что фантазия — это гораздо шире, богаче определенного знания. Знание должно быть, но если это просто знание, оно тебя держит на месте. Дважды два четыре. И что? Точка. А вот дважды два больше трех... у-у, до какого предела это может тебя довести... Нужно знать, как ведет себя человек конкретной профессии. А что-то другое интересно предполагать... И это предположение гораздо богаче. Фантазия может тебя двинуть в такие области, о которых ты даже не думал, что туда можно добраться. А вот где остановиться, уже подскажет интуиция, потому что можно уйти очень далеко. Хотя есть темы, в которые даже не надо лезть. Не надо открывать двери, потому что ты не знаешь, что увидишь за последней дверью. Я убедился в этом, когда мне предложили очень неожиданный персонаж. И я понял, что придется добираться до каких-то глубин подсознания. И неизвестно, чем закончится этот эксперимент.

«В САМЫЕ
ТРАГИЧЕСКИЕ
МИНУТЫ В ДУШЕ
ПЕРЕЖИВАЕШЬ,
НО ГЛАЗА ВСЕ
ВИДЯТ, УШИ
ВСЕ СЛЫШАТ.
ТАК УСТРОЕН
АКТЕРСКИЙ
МЕХАНИЗМ»

И в жизни нельзя докапываться до чего-то непонятно-го, неизведанного?

У нас очень умный организм. И он нам этого не позволяет. Реакция защиты моментально срабатывает. В жизни мы в секунду понимаем посыл другого человека.

Если бы это было так, нас бы никогда не обманывали...

Значит, мы сами захотели, чтобы нас обманули.

А иногда — ошиблись. Без этого невозможно.

Как без вредных привычек? Вот ты куришь, хотя у тебя вроде бы и без этого столько других удовольствий.

Да, это удовольствие. Хотя, конечно же, дурная привычка. Но что поделаешь? Ну пусть хоть что-то будет (смеется). Чашечка хорошего кофе, рюмочка коньяка, сигарета (улыбается)... Это замечательно. Но я с этим воюю и стараюсь курить как можно меньше.

Ты искренне получаешь удовольствие от красивой жизни, а некоторые считают, что в этом и признаваться стыдно...

Да нет, это не стыдно. Это же организм так реагирует. Мариш, вот когда ты надеваешь потрясающее платье, красивое украшение, ты себя так же чувствуешь, ощущаешь (с воодушевлением). Это твои рецепторы срабатывают на вкусную или невкусную еду. Тебе приятнее съесть замечательный эклер, нежели горькую таблетку. Красота, комфорт, небольшие удовольствия... Это все здорово! Знаешь, какое наслаждение сидеть на берегу моря в теплый тихий вечер в удобном кресле и смотреть на это море и на закат с бокалом хорошего шампанского или вина...

Ни о чем не думать и получать удовольствие. Нужно просто уметь создавать это ощущение счастья. А красивые вещи, комфорт, вкусности — они нам помогают в этом. Опять же все дело в степени. Я люблю красивые вещи, но я не тряпичник, могу спокойно долго ходить в одних джинсах, хотя дома лежит еще несколько пар, но я в одни влезая и не снимаю: мне так у-доб-но! Надо использовать удовольствия. Их так мало...

Во время выпускного периода в театре, в эти две-три недели до премьеры окружающая жизнь, в том числе удовольствия, существует или она проходит мимо?

Существует. Но она совсем другая. Ты видишь все, слышишь все, понимаешь все, что происходит. Ты же не можешь не замечать звонков. Ты их даже иногда принимаешь. И порой думаешь: «Лучше бы не принял» (смеется). Ты же не сидишь в шорах: «У меня сегодня «Дядя Ваня» или «Записки сумасшедшего». Нет, жизнь идет своим чередом. Но все по-другому. А в день премьеры особенно. И эта жизнь гораздо лучше. Гораздо интереснее (улыбается). Потом, когда занавес закрывается, все опять становится на свои места.

Ты не только принимаешь звонки, ты даже перезваниваешь на незнакомые номера, что приятно удивляет.

А каков посыл: я кому-то нужен или не пропустить что-то, нужное мне?

Иногда автоматом перезваниваешь. Хотя я себе сколько раз говорил: «Сергея, никогда не перезванивай по незнакомым номерам, потому что можешь нарваться. Лю-бо-пыт-ство (хитро улыбается)... А вдруг звонит Спилберг? А у меня елки (смеется)...»

Я не раз слышала, как ты ласково разговариваешь по телефону...

Не всегда. Иногда срываюсь по глупости. Вот слышу: «Алле! Это Сергей?» И странно... Иногда по одной интонации мне хочется продолжать разговор, а иногда — нет. Это касается малознакомых людей, особенно молодых журналистов. Это они так в основном говорят: «Алле, это Сергей?» Мне хочется сказать: «Нет».

Я отвечаю: «Да». Но бывает, что, находясь в раздраженном состоянии, могу это передать в трубку. Потом

в секунду понимаю: «Ну зачем, надо было отказать по-другому: «Нет, спасибо огромное». Как отказывают многие мои коллеги, с величайшей радостью. «Просто мечтаю. К сожалению, занят. Смертельно занят». Нет, начинаешь что-то объяснять. Потом понимаешь: «Глупо. Тебя все равно никто не услышит».

Мы с тобой в буфете сели за столик в углу. Если ты приходишь в ресторан, где много свободных мест, где выберешь столик? Замечала, как иногда артист приходит в пустой зал и садится ровно в центре...

Мне кажется, если зал пустой,

я никогда в центре не сяду. Мне неудобно. Если только вдруг там не окажется самое уютное место, так иногда бывает. Но, как правило, ищешь себе нычку. Человек еще очень проявляется в том, как он разговаривает по телефону при всех. А сейчас все ругают мобильный телефон. А я хочу сказать, что это уникальное изобретение человека, которое иногда мешает, но чаще он замечательный помощник.

Кстати, тебе важно, чтобы мобильный телефон был престижным, дорогим? Как хорошие часы, ботинки?

Телефон должен быть удобным. Чем он проще, тем для меня лучше. Я не люблю, когда в телефоне есть все. Телефон должен звонить. Хороший телефон тот, что долго держит зарядку.

Как мне кажется, ты всегда удивительно пунктуален. Это черта твоего характера?

Да, я пунктуальный человек. И не люблю, когда меня ждут. Если машина приезжает в восемь, я буду в восемь. Не надо заставлять себя ждать. Это вызывает определенную реакцию. А кто-то любит войти позже всех. Мне кажется, что это тоже определенная черта характера. Опять же амбиции.

Ты сейчас плотно занят в театре. А что с кино?

Выходит «Чудо» Александра Прошкина. Замечательная реальная история о том, как в 50-е годы некая девушка,

«ДАЖЕ ЕСЛИ
ТЫ ПОЛГОДА
НЕ ИГРАЕШЬ,
ТЕКСТ ВСЕ
РАВНО БУДЕТ
В ТВОЕЙ
ГОЛОВЕ КАК
НА ДИСКЕТКЕ»

схватив икону Николая Чудотворца, пустилась с ней в пляс и простояла, как соляной столб, 128 дней. Юрий Арабов написал прекрасный сценарий. Мы сняли фильм. И даже получили спецприз жюри на Московском фестивале. Я играю комитетчика, уполномоченного по делам религии, человека, который прекрасно понимает, что такое церковь и что есть чудо. Но время такое, что верить в это нельзя. И он провокатор, который больше всех в это верит, но знает, что этого быть не должно. С нетерпением жду выхода фильма Владимира Хотиненко, тоже на основе реальных событий, о псковской миссии. Во время войны немцы позволили нашим батюшкам открыть храм. Фильм будет называться «Поп». Я играю главную роль, отца Александра. Тема — истинное служение русского батюшки во время войны. В «Ассе-2» сыграл режиссера, который снимает «Анну Каренину». На мой взгляд, очень талантливая придумка. Сергей Александрович очень долго снимал «Анну Каренину», и все сложности, которые он испытывал и с продюсерами, и со всем, обыграл в этом фильме. Можешь себе представить: сцена бала. Сережа Астахов, оператор «Анны Карениной», на роликах снимает бал, когда Анна и Вронский танцуют. А в это время Юрий Клименко снимает параллельно, и Сережа Астахов уже персонаж «Ассы-2». Единственный, кто всем мешал, — это Соловьев, потому что он все время был в кадре. И он даже признался: «Я не понял, откуда эхо?» Когда он обращался к Тане Друбич: «Таня!» — мне нужно было крикнуть: «Алика», как героине «Ассы-2». Он: «Таня, держи повыше голову», и я через паузу: «Алика, держи повыше голову». И он спрашивал: «Откуда это эхо?» А я отвечал: «Как откуда? «Асса-2» снимается» (*смеется*). И вот это ощущение кина (*улыбается*), что оно вокруг... было просто невероятным! Когда я спросил: «Сергей Александрович, а что так мало текста?» — то он сказал: «Ну, я себя имел в виду». Еще осенью должен выйти «Исаев»... Мой герой — писатель Никандров. Получился острый персонаж. Немножко экзальтированный, театральный, бросается чернильницей.

При этом наивный, чистый, талантливый. Сережа (Урсуляк) сказал, что получился симпатичный Никандров.

Ты уже можешь коллекционировать писателей: Никандров, Тригорин, Макаров... Не так давно смотрела очень симпатичную комедию с тобой и Аленой Бабенко «Я считаю: раз, два, три, четыре, пять...» И опять писатель...

Да. И я понял, что писатель — это совсем другие мозги, все другое. Нельзя обвинять Толстого в том, что, как рассказывают современники, он прибежал домой и записывал все: кто, что, о ком говорил. Нельзя обвинять писателя в том, что если у него был роман с актрисой, то потом она, открывая его новую пьесу, видела слово в слово то, что говорила ему, и то, что он ей отвечал. Ну, так устроен писательский организм.

«КРАСОТА, КОМФОРТ, НЕБОЛЬШИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ... ЭТО ВСЕ ЗДОРОВО!»

Если писательский устроен так, чтобы все записывать, то актерский — так, чтобы все время наблюдать за собой и запоминать все свои ощущения, даже трагические...

Да, даже в самые трагические минуты, когда ты прощаешься с близкими людьми, в душе ты переживаешь, но глаза все видят, уши все слышат. Ты и хотел бы их закрыть и отдался эмоциям, да они и так есть вну-

три, но тем не менее все фиксируется. Само по себе. Так устроен актерский механизм. Так он «испорчен». Актерство — это вообще уникальная, абсолютно непонятная вещь. Нет такой аппаратуры, которая могла бы все это проверить. Можно замерить психофизические данные актера во время его игры, но не объяснить. И что такое настоящее актерство, тоже не объяснишь. Нельзя ему научить в школе. Можно научить азам. Исправить «с»

ФОТО ВЛАДИМИР МЫШКИН

на «ш». «зи» на «з». Научить какой-то технике. Но быть Актером научить нельзя. А как понять, где хранятся все эти пьесы у тебя в башке? Даже если ты полгода не играешь, текст все равно будет в твоей голове, как на дискете, надо только чуть-чуть вспомнить. Но как только сказали: «Спектакль прекратил свое существование», это все как ластиком стирается, даже если это было самое дорогое. Одну фразу или какой-то монолог вспомнишь, да и то переврешь. Может быть, не стоит и туда залезать? Не надо открывать двери до конца. Не надо объяснять, что такое актерский метод и что такое вдохновение. И что происходит, когда тебе нужно выходить на сцену, а тебе неохота туда идти. Но ты выходишь, и совершается чудо... или не совершается. Это твой организм кокетничает (*улыбается*). Он знает, что ему после третьего звонка надо будет выйти на сцену. Поэтому в половине седьмого он начинает думать: «Может быть, не надо? Ведь вчера так хорошо сыграли. Так зачем сегодня?»

Марина Зельцер

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Родился 13 июня 1958 г. в Киеве. В 1980 г. окончил Театральное училище им. Щукина, был принят в Театр им. Вахтангова. В 1998 г. присвоено звание «Народный артист РФ».

Роли в кино: «Патриотическая комедия», «Макаров», «Пьеса для пассажира», «Летние люди», «Операция «С Новым годом», «Три истории», «Ретро втроем», «Сочинение ко Дню Победы», «Про уроков и людей», «Брат», «Русский бунт», «Механическая сюита», «Неудача Пуаро», «72 метра», «Гибель империи», «Косвенные улики», «Жмурки», «Мне не больно», «12», «Карнавальная ночь — 2», «Ликвидация», «Асса-2», «Душка», «Искушение», «Русская игра», «Живи и помни» и др.

Роли в театре: «Государь ты наш, батюшка», «Амфитрион», «Отелло», «Ревизор», «Чайка» и др. (Театр им. Вахтангова). «Мадам Баттерфляй», «Лолита», «Рогатка», «Полонез Огинского» и др. (Театр Р. Виктюка), «Черный монах» в ТЮЗе, «Двенадцатая ночь» в Театре им. Станиславского, Пигмалион в «Современнике».

Антрепризы: «Лунный свет», «Медовый месяц», «Коллекция Пинтера», «Любовник». Неоднократный лауреат премий «Ника», «Золотой Овен», «Окно в Европу» в Выборге. Также получал премии на кинофестивалях «Созвездие», «Балтийская жемчужина», кинофестивале русских фильмов в Онфлере, «Кинотавре», премию «Золотой Орел» за роль в фильме «12». Лауреат Государственной премии РФ.